

Доктринальные подходы к понятию «национальная безопасность» и его соотношение со смежными понятиями и категориями

Людмила Григорьевна Зимовец¹, Александр Владимирович Куликовский²

^{1,2}Сочинский государственный университет, Сочи, Россия

¹nauka-rgsu-s@mail.ru

²kav110890@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению доктринальных подходов к понятию «национальная безопасность» и его соотношению со смежными понятиями и категориями. Автор отмечает, что попытка выработать понятие «национальная безопасность» через суммирование отдельных элементов данного явления контрпродуктивна. Анализируя различные подходы на данную проблему, автор приходит к выводу, что простой «суммарный подход», свойственный современной науке, должен быть вытеснен подходом системным.

Ключевые слова: национальная безопасность, государственная безопасность, государственность, военная безопасность, экономическая безопасность, инновационная безопасность, демографическая безопасность, безопасность границ, технологическая безопасность

Для цитирования: Зимовец Л. Г., Куликовский А. В. Доктринальные подходы к понятию «национальная безопасность» и его соотношение со смежными понятиями и категориями // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 1. С. 25–30. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-1-25-30>. EDN YHLFCV

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

Doctrinal approaches to the concept of national security and its correlation with related concepts and categories

Lyudmila G. Zimovets¹, Alexander V. Kulikovskiy²

^{1,2}Sochi State University, Sochi, Russia

¹nauka-rgsu-s@mail.ru

²kav110890@mail.ru

Abstract. The article discusses doctrinal approaches to the concept of national security and its correlation with related concepts and categories. The author notes that an attempt to develop the concept of national security by summing up individual elements of this phenomenon is counterproductive. Analyzing various approaches to this problem, the author concludes that the simple “summary approach”, peculiar to modern science, should be replaced by a systematic approach.

Keywords: national security, state security, statehood, military security, economic security, innovative security, demographic security, border security, technological security

For citation: Zimovets L. G., Kulikovskiy A. V. Doctrinal approaches to the concept of national security and its correlation with related concepts and categories. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(1):25–30. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-1-25-30>. EDN YHLFCV

Актуальность нашего исследования продиктована тем, что к настоящему времени российская наука ещё не смогла создать целостную внутренне непротиворечивую теорию национальной безопасности. И самый существенный изъян связан с отсутствием системного подхода, с преобладанием анализа фрагментарных проявлений. Национальная безопасность рассматривается как сумма отдельных видов безопасности, а поскольку их число неуклонно возрастает, научное осмысление идёт по пути рефлексирования на отдельные проявления рассматриваемого феномена, что не позволяет создать общетеоретическую модель.

Научное исследование узкоспециальных проблем национальной безопасности основывается на некритическом восприятии понятийно- категориального аппарата, содержащегося в нормативных правовых актах. В результате возникает ситуация «замкнутого круга». Вместо поиска научной истины, что, собственно говоря, и должно являться целью научной деятельности, происходит «подгонка» теории под несовершенную нормативную модель.

Приступая к исследованию национальной безопасности как сложного социального феномена, следует, прежде всего, отметить тот существенный изъян, который обнаруживается и на уровне доктринальных разработок, и в нормативных документах. Он связан с попыткой выработки понятия «национальная безопасность» через суммирование отдельных элементов данного явления. Совершенно ясно, что этот путь контрпродуктивен, поскольку практически невозможно представить закрытый перечень всего многообразия проявлений, сопрягающихся с анализируемой сферой.

По-видимому, следует согласиться с Э. А. Поздняковым, который полагает, что простой «суммарный» подход, свойственный начальному этапу развития общественных наук, должен быть вытеснен подходом системным. В основе последнего лежит «не рассмотрение отдельных сторон явления, а раскрытие его сущности, его необходимой формы и внутренней логики в единстве всех его сторон и на этой основе – определение интегрального его качества» [1, с. 269].

В научно-исследовательской литературе справедливо указывалось на неправомерность применения понятия «безопасность» через «состояние» и выделять лишь отдельные секторы (частные безопасности).

С точки зрения Ф. В. Фененко, безопасность есть понятие с нулевым объёмом. Исследователь совершенно резонно отмечает, что, живущие биологические системы подвержены постоянному воздействию разнообразных опасностей, тогда как состояние безопасности для них равносильно смерти. Так, с точки зрения конкретной жертвы (отдельного человека), её безопасность – понятие единичное, которое следует определять как способность (свойство) временно находиться в состоянии внешнего гомеостаза (динамического, структурного, а не термодинамического равновесия с окружающей средой) [2, с. 85].

Следует отметить, что раскрытие понятия безопасности как отсутствия опасности довольно широко представлено в юридической литературе. Однако подобная постановка вопроса вызывает обоснованную критику специалистов. В частности, указывается на обыденное понимание опасности и его «негативизм». С другой стороны, справедливо отмечается, что ситуации отсутствия опасностей не бывает. Критикуется и наиболее распространённое определение безопасности как защищённости интересов.

По мнению А. А. Гриценко, учёные, занимающиеся узкоспециализированными разработками проблем обеспечения безопасности, зачастую некритически ссылаются на правовые документы. В то время как очевидно, что безопасность не может быть сведена лишь к состоянию защищённости. В новых условиях она должна отождествляться с предотвращением, управлением и развитием [3, с.87].

Тем не менее, в действующей Стратегии национальной безопасности Российской Федерации содержится следующая дефиниция безопасности. Она определяется как состояние защищённости личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации¹.

Разумеется, центральным вопросом нашего исследования является понятие «национальная безопасность». В общественных науках и, прежде всего в юриспруденции, основной теоретико-методологической проблемой данной категории выступает её корреляция

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016№ 1 (часть II), ст. 212.

с другим центральным понятием – «государственная безопасность». Анализ доктринальных воззрений российских правоведов позволяет выделить три возможных варианта соотношения этих понятий.

Сторонники первого подхода исходят из признания синонимичности национальной безопасности и государственной безопасности. Согласно данному подходу, произошло заимствование зарубежного понятия «национальная безопасность», хотя вкладываемый в него смысл может в полной мере быть выражен через понятие «государственная безопасность». В литературе также обращалось внимание на проблемы перевода понятия *national security*. В частности, слово *national* означает не национальность, а именно нацию, государство. Следовательно, речь должна идти о безопасности государства-нации и, следовательно, эквивалентным переводом английского понятия следует признавать понятие «государственная безопасность».

Приверженцы второго подхода склонны были раскрывать понятие национальной безопасности через этничность. И, таким образом, национальная безопасность представляла более узким понятием по отношению к государственной безопасности, в которую она и включалась.

Наконец, третий подход, получивший закрепление в действующей Стратегии национальной безопасности Российской Федерации и разделяемый подавляющим большинством учёных, рассматривает национальную безопасность как максимально широкую комплексную категорию, ключевым элементом которой является государственная безопасность.

Несомненно, употребление понятия «национальная безопасность» в отечественных политико-правовых актах и юридической доктрине является результатом рецепции зарубежной юридической терминологии. Прежде всего, США, где термин «национальная безопасность» (*national security*) в 1904 г. был использован президентом США Т. Рузвельтом в его послании Конгрессу, а в 1947 г. получил и законодательное закрепление («*National Security Act of 1947*»). Важно обратить внимание на эволюцию данной категории. До 1947 г. в американской доктрине этот термин употреблялся исключительно в контексте обороны страны, однако в дальнейшем он был интерпретирован через интеграцию в рамках данной категории внутренней, внешней и оборонной политики, как способность сохранения территориальной целостности, поддержания экономических отношений с другими государствами и защиты границ от внешнего воздействия [4, с. 127].

Российские противники заимствования термина «национальная безопасность» апеллировали к Конституции РФ, в которой данное понятие отсутствует. В частности, С. А. Фомин указывал, что «исторически, да и на современном этапе её развития этот термин не очень подходит, более правильно заменить его на “государственная безопасность” или “безопасность России”» [5, с. 10].

Российская доктрина выделяет множество видов безопасности, как правило, исследователи указывают, что предложенный ими перечень не является исчерпывающим. Так, например, Л. К. Никитина и О. М. Хохлова к видам национальной безопасности относят: 1) военную; 2) космическую; 3) безопасность операций во всемирной сети; 4) безопасность научно-технического прогресса; 5) инновационную; 6) интеллектуальную; 7) биологическую; 8) психологическую; 9) моральную; 10) демографическую; 11) безопасность вероисповеданий; 12) безопасность объектов национальной экономики; 13) безопасность малых народностей; 14) безопасность стратегических природных ресурсов; 15) безопасность развития науки и образования; 16) безопасность развития муниципальных округов и населённых пунктов; 17) безопасность границ; 18) безопасность от террористических организаций; 19) технологическую; 20) безопасность межгосударственных экономических формаций и др. [6, с. 58].

В числе отдельных видов безопасности, включённых в понятие «национальная безопасность», современная российская юридическая доктрина и законодательство выделяют ряд элементов, требующих особого рассмотрения.

Особого внимания заслуживает крайне сложное и противоречивое понятие «государственная безопасность». Теоретические проблемы государственной безопасности требуют акцентирования внимания на самом феномене государства и государственности.

В литературе понятие государственной безопасности раскрывается как состояние защищённости государственного строя, государственных органов, территориальной целостности государства, а также его суверенитета от внутренних и внешних угроз.

Анализ специальной литературы красноречиво свидетельствует, что до принятия Стратегии национальной безопасности России в юридической доктрине в понятие «безопасность государства» вкладывался такой смысл, который теперь официально связан с понятием национальной безопасности. Ранее исследователями обосновывался следующий иерархический ряд: безопасность государства (основа) – государственная безопасность (родовой признак) – иные виды безопасности (видовые элементы). Теперь же возник следующий понятийный ряд: национальная безопасность – государственная безопасность – иные виды безопасности. Следовательно, не целесообразно использовать понятие «безопасность государства», поскольку оно вряд ли будет способствовать упорядочиванию понятийного аппарата вопросов национальной безопасности.

Поскольку именно государству принадлежит ведущая роль в обеспечении национальной безопасности, серьёзной проблемой является угроза подмены государственного интереса корпоративным интересом правящей бюрократии. Признавая и поддерживая запрос на «сильное государство», который присутствует в российском обществе и научном правовом дискурсе, мы склонны интерпретировать понятие «сильное» как «эффективное».

В вопросе о соотношении безопасности личности, общества и государства мы солидаризируемся с теми учёными-правоведами, которые указывают на бесперспективность противопоставления личности и государства, поскольку, именно последнее, выступая «коллективным гражданином» (в качестве государственно-организованного народа), способно обеспечить надёжную защиту интересам личности. В этой связи представляется и оправданным, и необходимым выделение особого понятия – «государственность», в котором происходит преломление интересов каждой личности в ёмкое понятие общественного интереса, сопрягаемого с категорией «общего блага».

Как представляется, в вопросах обеспечения интересов личности, общества и государства необходимо, делать акцент не на отношениях субординации (неизбежность её очевидна, независимо от характера существующего политического режима), но на кооперации усилий каждого активного гражданина, институтов гражданского общества и государства.

Нуждается в дальнейшей теоретической разработке такая фундаментальная политико-правовая категория, как «конституционная безопасность», поскольку именно Конституция РФ, являясь ядром всей государственно-правовой системы, выступает нормативной правовой основой не только государства, но и гражданского общества. Как нам представляется, легальное определение понятия национальная безопасность должно включать в себя и такой объект безопасности, как конституционный строй, поскольку именно он является стержнем функционирования государства, основой для осуществления публичной властью своих полномочий, а также максимально полным выражение взаимосвязи народа и государства.

Основными объектами национальной безопасности, как показывает анализ нормативной правовой базы и доктринальных источников, являются личность, общество и государство. В частности, речь идёт о конституционных правах и свободах граждан, достойном уровне и качестве жизни, суверенитете, независимости, территориальной и государственной целостности, устойчивом социально-экономическом развитии Российской Федерации.

Важно отметить, что объекты национальной безопасности могут быть соотнесены с формой государства. Например, в период монархической государственности безопасность страны (государства) отождествлялась с безопасностью монарха (правящей династии).

В рамках республиканской государственности, когда замещение legislatures осуществляется посредством выборов, сам институт выборов (равно как и референдума) должен рассматриваться в качестве объекта национальной безопасности. Неслучайно, в новейшем политическом лексиконе утверждается такое понятие как «электоральный суверенитет».

Некоторые исследователи теоретически обосновывают такую политико-правовую категорию как «государственность». В частности, по мнению В. А. Затонского, это явление «охватывает собой всю совокупность внутренне согласованных, взаимосвязанных и взаимозависимых, социально многообразных государственно-политических, правовых (юридических), административных, общественно-политических, социально-экономических, нравственно-этических и иных средств (явлений), с помощью которых государственная власть оказывает влияние на общественные отношения, а граждане, через структуры гражданского общества, оказывают влияние на государство и государственную власть» [7, с. 16]. По-видимому, следует согласиться с правоведами в том, что представление о государстве как о «машине насилия» должно уйти в прошлое. Более зрелое общество ждёт от государства выполнения важнейших общественных функций. Именно государство как политическая форма системной организации общества обеспечивает его целостность и консолидацию.

Развитие российской юридической доктрины в новейший период, применительно к категории национальной безопасности, идёт по пути обоснования необходимости выделения всё новых её видов.

Под угрозой национальной безопасности в Стратегии понимается совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба национальным интересам.

В целом следует признать, в отечественной юридической доктрине сформировалось определённое видение построения понятийного аппарата в сфере национальной безопасности, тем не менее, нет оснований для вывода о существовании единой интерпретации базовых элементов понятийного ряда. Причём, это касается, прежде всего, такой категории как «безопасность». Причина данного положения вещей кроется в существовании множественных методологических подходов: правового, политического, структурно-функционального и других.

Анализ отдельных видов безопасности позволяет констатировать наличие определённого плюрализма к выработке понятийно-категориального аппарата. Требуется уточнение соотношения таких понятий как: правовая и юридическая безопасность; военная и оборонная безопасность и др. Открытым остаётся вопрос о целесообразности выделения в качестве самостоятельного вида криминологической безопасности, поскольку она является неотъемлемой составляющей иных видов безопасности.

Серьёзной проблемой понятийно-категориального аппарата является интерпретация транспортной безопасности исключительно с позиций антитеррористического законодательства. При такой постановке вопроса упускается из поля зрения множество иных проблем, связанных с её обеспечением.

В целом, анализ теоретико-методологическим вопросов национальной безопасности позволяет сделать вывод о существовании множества методологических подходов к данной сфере. Основная сложность исследования рассматриваемой сферы общественных отношений заключается в том, что многие вопросы выходят за границы гуманитарных наук, требуя от исследователя обращения к области как естественнонаучного, так и технического знания.

Таким образом, стратегический системный подход к национальной безопасности проявляется в выделении категории национальных интересов, под которыми понимаются объективно значимые потребности личности, общества и государства, необходимые для его устойчивого развития. Национальные интересы диктуют поиск национальных приоритетов, понимаемых в качестве важнейших направлений обеспечения национальной безопасности. В свете анализа документов стратегического планирования можно говорить о системном подходе. В частности, совершенствование военной компоненты следует соотносить с развитием научно-технологического потенциала, повышением уровня жизни населения.

Национальными интересами Российской Федерации на долгосрочную перспективу являются: во-первых, укрепление обороны страны, обеспечение незыблемости конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности; во-вторых, укрепление национального согласия, политической и социальной стабильности, развитие демократических институтов и совершенствование механизмов взаимодействия государства и гражданского общества; в-третьих, повышение качества жизни населения, достижение устойчивого демографического роста; в-четвёртых, сохранение и развитие культуры, традиционных российских ценностей; в-пятых, повышение конкурентоспособности российской экономики; наконец, в шестых, закрепление за Россией статуса одной из лидирующих мировых держав. В числе национальных приоритетов первенствуют: оборона страны, государственная и общественная безопасность.

Список источников

1. Поздняков Э. А. *Философия политики*. М.: Весь Мир, 2014. 544 с.
2. Фененко Ю. В. *Евразийское пространство: управленческо-правовое обеспечение социальной безопасности: монография*. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2005. 577с.
3. Гриценко А. А. Теоретико-методологические подходы к определению понятия безопасности // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2008. Том 6. Выпуск 3. С. 86–91.
4. Анохин Ю. В., Гадельшин Р. И. *Национальная безопасность: теоретические и терминологические аспекты* // Теория и практика общественного развития. 2017. № 12. С. 126–129.
5. Фомин С. А. *Обеспечение национальной безопасности: курс лекций*. М.:ФЛИНТА, 2014. 224 с.
6. Никитина Л. К., Хохлова О. М. Законодательное обеспечение национальной безопасности современной России // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 4(87). С. 56–64.
7. Затонский В. А. *Эффективная государственность: монография* / Под ред. А. В. Малько. М.: Юристъ, 2006. 286 с.

References

1. Pozdnyakov E. A. *Philosophy of politics*. Moscow: The Whole World; 2014. 544 p. (In Russ.)
2. Fenenko Yu. V. *Eurasian space: managerial and legal provision of social security: monograph*. Moscow; 2005. 577 p. (In Russ.)
3. Gritsenko A. A. Theoretical and methodological approaches to the definition of the concept of safety-news. *Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Philosophy*. 2008;6(3):86–91. (In Russ.)
4. Anokhin Yu. V., Gadelshin R. I. National security: theoretical and terminological aspects. *Theory and practice of social development*. 2017;(12):126–129. (In Russ.)
5. Fomin S. A. *Ensuring national security: a course of lectures*. Moscow: FLINT; 2014. 224 p. (In Russ.)
6. Nikitina L. K., Khokhlova, O. M. Legislative support of national security in modern Russia. *Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2018;4(87):56–64. (In Russ.)
7. Zatonsky V. A. *Effective statehood: monograph*. A.V. Malko (ed.). Moscow: Jurist; 2006. 286 p. (In Russ.)

Информация об авторах

Л. Г. Зимовец – доктор философских наук, профессор кафедры теории права и государства, Сочинский государственный университет.

А. В. Куликовский – аспирант, Сочинский государственный университет.

Information about the authors

L. G. Zimovets – Dr. Sci. (Philos.), Professor at the Department of Theory and History of State and Law, Sochi State University.

A. V. Kulikovskiy – Postgraduate Student, Sochi State University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.02.2024; одобрена после рецензирования 04.03.2024; принята к публикации 06.03.2024.

The article was submitted 04.02.2024; approved after reviewing 04.03.2024; accepted for publication 06.03.2024.